

ГЛАВА I

ЧТО ПРОИСХОДИТ?!

В ледяной ловушке

1

«Это заговор. Точно заговор! Кто против меня? Весь класс? Или кто-то один? Невидимка, который подслушивал, подсматривал и наконец подло предал! Ну погоди, я узнаю, кто ты!» — с этими мыслями Лиза бежала по набережной Невы, так быстро удаляясь от дома, будто опаздывала на тренировку или занятия, но на самом деле сегодня её никто нигде не ждал. Вперёд беспощадно гнали только тоска и боль.

Даже одноклассники в этой белёсой девочке не смогли бы узнать первую красавицу класса, лицо бренда модной одежды для подростков «Маркиза Полли». Она размазала свою красоту ещё по пути из школы, а дома вместе со слезами смыла её в раковину. Но отвратительная картина, которая будто обожгла глаза Лизы, продолжала её преследовать, расплывалась, двоилась и лучилась от слёз, но не меркла и не исчезала.

Весна в Петербурге, как обычно, началась с метели. Серое небо сливалось с серой мостовой и замёрзшей, взъерошенной Невой. Тёмными пятнами в этом мареве передвигались редкие пешеходы, чёрной громадой нависал мост, плыли огни фар. С резким воем сирен, отбрасывая тревожные синие отсветы, промчалась машина скорой помощи.

Слёзы стыли, ресницы смерзались от холода, снег, мелкий, как пыль, но острый и жгучий, колол лицо.

«Как я теперь смогу смотреть ему в глаза после этого?!»

Снова и снова она видела перед собой Германа, его презрение и насмешку во взгляде, скривившиеся губы.

«Я узнаю, кто это сделал! — решительно прошептала Лиза и тряхнула головой. Она была не из тех, кто легко даёт себя в обиду, сидит в уголочке и долго, тихо плачет. — Вы просто не знаете, кому объявили войну!»

В этот момент мучительное видение смешалось со снегом и начало таять. Лиза очнулась от своего кошмара недалеко от Литейного моста. В нескольких шагах от неё в метели, согнувшись, копошилась и ругалась чёрная бесформенная фигура, рядом рычала собака.

Мгновение — фигура выпрямилась, лай, бросок... Чёрный силуэт быстро, не оглядываясь, скрылся из виду.

«Что это было?!» — Лиза подбежала к месту потасовки и перегнулась через гранитный бортик.

В полынье барахталась собака, била лапами по густой чёрной воде, и высоко в воздух подлетали брызги, похожие на стальные шарики.

— Какой ужас! — вскрикнула девочка.

Собака очень старалась, но самостоятельно выбраться из ледяной ловушки не могла. Тонкий, подмытый лёд на краю полыньи ломался под её тяжестью, едва ей удавалось зацепиться за него и опереться передними лапами.

Собака в одиночку боролась за свою жизнь — молча и сосредоточенно. Борьба за выживание проходила в полном молчании, без оглядки на окружающих.

Собака не ждала помощи, а просто бросила все силы на своё спасение. Видеть это было страшно. Наблюдать — больно.

«Что же мне делать-то?!» — в отчаянии думала Лиза.

2

Рядом никого не было. Мимо проезжали закрытые наглухо машины, отмахиваясь дворниками от снега, налипающего на лобовое стекло.

Лиза, сжавшись от страха, побежала к ступеням. Может быть, спустившись к Неве, она что-то придумает? Но вариант был только один. Рискованно? До ужаса. Но жизнь собаки — единственное, что имело значение в этот момент. Оправдан ли риск? Чья жизнь дороже: человека или собаки? Теперь этот вопрос имел для девочки только один ответ.

Лиза легла на нижнюю гранитную ступень и, холодея то ли ото льда и мёрзлой безразличности Невы, то ли от страха, тихонько поползла к полынье. Продвигалась вперёд очень медленно, так медленно, что, казалось, полынья не только не приближалась, но и становилась всё дальше.

«Сколько ещё собака продержится в ледяной воде? Что делать потом, когда доползу?» — мелькали вопросы.

Не успела Лиза миновать и половину пути, на набережной уже гудела разношёрстная толпа:

— Ты в своём уме? Выбирайся, пока не утопла! — громче других кричала старуха. — Собаку она пожалела, а о мамке не подумала? Дурёха! Спасайся, пока не поздно! Вылезай оттуда, всё равно ты не сможешь собаку вытащить. Она, небось, тяжелее тебя будет.

— Да-да, вместе утонете! — поддакивали старухе остальные.

Лиза в этот момент тоже боролась за выживание. Шуршание шин на набережной, гудение толпы — всё это просто стало фоном. Набатным колоколом была мысль: «Никто не поможет. Я должна сама. Но как я смогу вытащить собаку? Мы обязаны спастись вместе. Какой же лёд у полыньи хрупкий...»

В это время по мосту, заметив её беду ещё издали, задыхаясь, спешила другая девочка. Сбежала по лестнице и, скинув на ступени тяжёлый рюкзак, весь облепленный значками, крикнула:

— Не бойся, я с тобой! Это несложно! Тысячу раз так делали. Ухватись за собаку. А я буду держать тебя. Вместе вытащим!

— Ещё одна!

— Вы что, обе помешались? — раздалось с набережной.

— Нужно полицию вызывать, а то все дети перетопятся, — загудела толпа громче прежнего, но не шевельнулась с места.

— Стоять! — закричала старуха, перекрывая общий гул. — Стоять, вам говорят! Что, жить надоело?!

Но девочки пробирались вперёд. Уже видны были глаза собаки и застывшие в них страх и надежда.

Собака оказалась крупной. Вытащить такую из полыньи было бы трудно даже взрослому, а тут девочки. Лиза весила, наверное, немногим больше, чем тонущий пёс: она была хоть и высокой для своих двенадцати лет, но очень стройной. Выяснилось, что на собаке

была намотана странная, связанная из тряпья, но довольно прочная шлейка, от которой тянулась вниз, ко дну, длинная верёвка.

Лиза поймала и вытащила верёвку.

— Лови! — крикнула она девочке. — Давай тянуть за неё вместе.

— Отлично! Ползём, сохраняя дистанцию, — радостно откликнулась та. — Две трети удачи у нас уже есть!

Крепко уцепившись за верёвку, девочки начали осторожно отползать к гранитным ступеням набережной. В глазах собаки промелькнула тоска.

— Давай, Пупсик, давай, мой хороший, не сдавайся! — горячо заговорила Лиза.

Верёвка натянулась. Пёс понял, что его не бросили. Почувствовав поддержку, он встрепенулся и осторожно, боком навалился на край полыньи.

Резкий рывок за верёвку — и пёс выскользнул на твёрдый лёд.

— Смотрите-ка, у них получилось!

— Дуры!

Толпа зрителей удвоилась или утроилась, но аплодисментов не было. И не надо. И зрителей не надо. Нужен был только прочный гранит, который не тает и не крошится с самого основания Петербурга.

Пёс тоже полз. Мокрая шерсть смерзлась на ветру, но он не стряхивал воду и не делал лишних движений.

— Умница! Давай, ещё чуть-чуть осталось! — восхищались девочки.

Вот она, первая ступень на берег! Вот она, прочная, незыблемая жизнь! Вот она, весна! Иногда весну можно разглядеть и через метель. Весна — это праздник жизни.

Пёс неуклюже поднялся на набережную и отряхнулся. Теперь он предстал перед девочками во всей красе: огромный, долговязый, бородатый и кудлатый. Его, наверное, не причёсывали и не мыли с самого рождения, зато весь он был обвешан какими-то верёвками и узелками. Всё это создавало единую композицию с колтунами и налипшей грязью.

Пёс влюблённо смотрел на своих спасительниц и вилял мокрым взъерошенным хвостом.

— Замёрз? — спросила девочка, снимая куртку. — Сейчас я тебя укурую. И надо подумать, что с тобой делать дальше.

— Надя?! — вскрикнула Лиза.

— Лиза?! — ничуть не меньше удивилась Надя.

Они были одноклассницами. Только Лиза — первая красавица, отличница, элита, которую окружали сливки школьного общества, а Надя — серая, незаметная мышка, она плохо училась, часто не делала домашние задания и прогуливала уроки.

— Я тебя даже не узнала! — рассмеялась Лиза.

— Знаешь, я тебя тоже не узнала, — улыбнулась Надя. — Я привыкла видеть тебя другой. А ты такая крутая, оказывается! Я даже не могла представить, что ты, вся из себя такая красавица, за какой-то дворянкой к польнице поползёшь! — с уважением добавила она.

— А сама-то! Ты, оказывается, такая смелая!

Надя не ответила. Тем более не стала подробно рассказывать про свои волонтерские будни, которые занимают всё её время, мысли и сердце.

Псина в её пуховике выглядела хорошо, зато самой Наде было холодно. И приближалась ночь — нужно было срочно решать, что делать дальше. Спасение животного — это не только рывок, а долгий и сложный путь.

Когда зрелище закончилось, толпа стала рассеиваться. Старуха, отталкивая людей, подошла к лестнице и начала спускаться к девочкам.

— Я могу забрать пса себе, — выкрикнула она ещё издали.

Пёс приглушённо, но грозно зарычал.

— У неё лицо злое. Мы таким животных не отдаём, — прошептала Надя. — И к себе я не могу его взять, у меня на карантине пять собак. Что же делать-то?! А ты можешь домой его забрать на день или на два? Я пристрою его, я умею это делать! Я — волонтер.

Старуха уже спустилась и потянула руку к верёвке.

— Я забираю его. Он подохнет у вас от переохлаждения. И вы идите своей дорогой, пока беды не случилось! Идите и забудьте всё, как и что здесь было — целее останетесь.

Пёс зарычал громче и оскалил пасть.

— Мы не можем вам его отдать. Это наш Пупсик! Пойдём, Надя, домой. Нам пора.

Лиза взяла верёвку и потянула пса за собой. Надя как ни в чём не бывало накинула грязный, мокрый пуховик, и девочки вместе с собакой почти побежали по набережной в сторону Лизиного дома.

За это время стемнело ещё сильнее. Метель утихла, но ветер зло дул с Невы, выстуживал тело и охлаждал душу — одно тянуло за собой следующее. Череду странных событий продолжалась. «Мне ещё придётся всё это как-то объяснить маме», — с содроганием подумала Лиза.

— Надо же, какая ядовитая старуха! — удивлённо проговорила Надя. — Уж на всяких я людей нагляделась, но таких противных давно не видела. Честно!

Тощая длинная старуха в чёрном платке и чёрном длинном пальто напоминала личинку какого-то гигантского насекомого. Когда она кричала, у неё широко открывался беззубый красный рот. Сильно припадая на правую ногу, старуха пыталась идти за девочками, но отставала всё сильнее и сильнее. Наконец её злое шествие смешалось с тенями и остался далеко позади.

— Она что, за нами следила? — спросила Лиза.

— Кто её знает? Уж так ей понадобился наш пёс! Зачем? Странная она, конечно. Хорошо, что мы от неё оторвались.

Девочки не видели, как пристально старуха смотрит им вслед и беззвучно набирает номер телефона...

Странная находка

1

Лизиной мамы, на счастье, не было дома. Сегодня она допоздна работала в парикмахерской, а потом обещала постричь на дому нескольких постоянных клиенток. Это обстоятельство лишь отдаляло сложное объяснение с ней, но зато помогло выиграть время и выстроить план защиты.

Престарелый пёс, гордо подняв вихрастую седую морду, вышагивал рядом с новыми подружками. Видно, ему нравилось быть хозяйской собакой. Охотно и радостно он проскользнул в Лизин подъезд.

— Смотри-ка, молодец, не испугался дома, — одобрительно потрепала его по вихрам Надя.

— А мог? Дом — это разве страшно? — рассмеялась Лиза.

— Для бродячей собаки всё может быть страшно. Неизвестно, как она раньше жила и чего натерпелась. У меня была собака, которая боялась электрического света. До жути, представляешь? При ней даже руку нельзя было протянуть к выключателю. Она считала: день и ночь наступают, когда решат небесные светила, а всё остальное — зло. Она чуть не падала в обморок и скулила. Мы долго её приучали к лампочкам.

— Надо же, бедолага! А про кого ты говоришь «мы»?

— Волонтёры.

Но тут разговор прервался: их новый подопечный показал все свои страхи и возмущение, как только его

попытались подвести к дверям лифта. Пёс рухнул на пол, сражённый изуверством человеческой мысли: это надо же, его, гордого и свободолюбивого, — и запихать в гремящий вонючий ящик?!

— В подъездах, значит, зимовал, а на лифтах ещё не катался, — сделала вывод Надя. Она привычно обхватила пса, приподняла его, насколько хватило силы, и впихнула в тесную кабину лифта. — Ты на каком этаже живёшь?

— На четвёртом. А тебе не страшно, вот так?... Он же мог укунить тебя за лицо! — удивилась Лиза.

— Не страшно, — рассмеялась Надя. — Сейчас повторим.

Но повторять не пришлось: из лифта пёс выбрался своими ногами, едва двери открылись на нужном этаже.

— Умненький, — похвалила Надя. — Давай назовём его Гай. Типа — Гай Юлий Цезарь. Хорошее имя?

Лиза поморщилась.

— Имя хорошее, но там, на Неве, я называла его Пупсиком. Пусть это имя и хуже, но для меня он Пупсик, с которым мы выбрались из ужасной передраги.

— Пусть будет Пупсик, — согласилась Надя. — Кстати, Пупсика, возможно, и пристроить будет проще, чем Гая. Может, кто-то пожалеет и возьмёт к себе. Хотя пупсик из тебя так себе — староват, седой совсем и слишком бородатый!

Девочки рассмеялись. А пёс принюхивался и подозрительно осматривался. Его спутницы нравились ему уже заметно меньше, чем на улице. Пупсик начал подозревать, что попал в западню или влип

в какую-то новую историю, которая ничем хорошим для него не закончится.

Лизина квартира была не просто чистой, она сверкала чистотой. Это было пристанище двух фей — мамы и дочери.

С псом произошла невероятная метаморфоза. Как только удалось затащить его в прихожую с огромным сияющим зеркалом, бабочками на обоях и перламутровыми блёстками на кафельном полу, Пупсик из животного превратился в грязное страшилище. Из лохматой шерсти серо-жёлтого цвета с грязными усами и заиндевелыми мохнатыми бровями выглядывали недоверчивые, напуганные глаза.

— Слушай, если я оставлю его у себя, мама меня убьёт. Точно тебе говорю. Ты совсем не знаешь мою маму! Она может. Давай отведём его куда-то в другое место? Может, на передержку? Я готова заплатить, у меня есть свои деньги.

— Понимаю, — обводя испуганным взглядом кристальную чистоту квартиры, согласилась Надя. — Я почему тебя попросила об одном дне или двух — обычно свои находки я беру себе или прошу придержать кого-то из друзей. У меня есть примета: если животное, особенно как наш Пупсик, попадает в приют, то у него почти не остаётся шансов оттуда выбраться. А приют — только слово хорошее. На деле это клетки, где не дадут умереть: накормят, напоют, но жизни никакой не будет. Жалостливые люди подбирают с улицы тех, кто может погибнуть. А у приютских вроде как и так всё в порядке. Ты бывала когда-нибудь в собачьих приютах?

Лиза покачала головой.

— Жесть! — сказала Надя. — Ладно, я сейчас что-нибудь придумаю. Пойдём, Пупсик.

Но Пупсик прирос к коврику у двери и решил живым не сдаваться.

— Постой, — решила Лиза. — Ладно, пусть он останется у меня, только нужно его помыть и постричь до маминого прихода. Иначе нам обоим крышка!

— Точно можно оставить?

— Точно!

— Тогда носи ножницы, большой полиэтилен и бинт.

2

Пока Лиза собирала по дому всё необходимое, в прихожей возле Пупсика выстроилась шеренга бутылок с нарисованными собаками, собачками и щенками. Они перекочевали сюда из бездонного Надиного рюкзака.

Пёс с тоской смотрел на приготовления, агрессии не проявлял, но и большой радости не испытывал. Казалось, он становился всё меньше и меньше в размерах, вжимался во входную дверь, будто надеясь, что сможет прошмыгнуть в щель или воспользоваться счастливым случаем. Девочки окончательно ему разонравились.

— Может, колбаски принести? — спросила Лиза. — У него такой взгляд...

— Не сейчас. Вкусняшки потом, сначала дело.

Одним ловким движением Надя замотала бинтом морду Пупсика.

— От стресса может и хряпнуть, — пояснила она. — Его же последний раз мыла мамаша лет эдак восемь назад и без мыла.

